

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-73-196-208>

УДК 821.161.1

ББК 83.3 (2Рос=Рус)

Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2024 г. Н.А. Лунькова
г. Санкт-Петербург, г. Москва, Россия

**«МАТЬ-РОССИЯ НОВЫХ РОДНЫХ ДЕТОК НАШЛА...»:
О РОЛИ ОБРАЗА РЕБЕНКА В ТРАКТОВКЕ СЛАВЯНСКОЙ ИДЕИ
В «ДНЕВНИКЕ ПИСАТЕЛЯ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО**

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 23-78-10045

«Национальные движения в оптике имперской легитимности: революции, восстания, бунты, мятежи в славянских землях в риторике российской власти долгого XIX века»

Аннотация: Важное место в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского отведено восприятию русско-турецкой войны и внешней политики России 1870-х гг. При описании мучений славянских народов на Балканах писатель нередко обращается к образу страдающего ребенка, который является в «Дневнике» одним из главных. В статье обосновывается необходимость рассмотрения фрагментов, которые касаются восточного вопроса, в контексте общей идейной канвы моножурнала Достоевского, так как обнаруживаемые параллели между публицистическими и художественными фрагментами позволяют наиболее полно представить особенности взгляда автора на славянскую идею, в том числе выявить ту роль, которую играет образ ребенка при ее воплощении на страницах «Дневника». С одной стороны, автор приводит конкретные зарисовки страданий славянских детей, с другой — говорит о славянах в целом как о детях России, которые нуждаются в ее заступничестве и покровительстве. Образы страдающих славянских православных детей вплетены в общую систему детских образов «Дневника», автор которого не может смириться с их «униженным и оскорбленным» положением, и они служат одним из доказательств необходимости всеславянства. Для Достоевского тема освобождения православных народов на Балканах неразрывно связана с религиозной миссией России, которая во имя подлинного Христа, чей лик сохранился только в православии, должна оказать бескорыстную помощь славянским «детям».

Ключевые слова: Достоевский, всеславянство, православие, русско-турецкая война, детские образы, образ паука, образ матери.

Информация об авторе: Наталья Александровна Лунькова — младший научный сотрудник, Институт истории, Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия; младший научный сотрудник, Институт славяноведения Российской академии наук, Ленинский просп., д. 32А, 119334 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9193-3890>

E-mail: lunkova_n@mail.ru

Дата поступления статьи: 15.03.2024

Дата одобрения рецензентами: 18.04.2024

Дата публикации: 25.09.2024

Для цитирования: Лунькова Н.А. «Мать-Россия новых родных деток наша...»: о роли образа ребенка в трактовке славянской идеи в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского // Вестник славянских культур. 2024. Т. 73. С. 196–208. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-73-196-208>

События эпохи восточного кризиса 1870-х гг., начавшегося с восстания в Герцеговине и Боснии (лето 1875 г.), затем в Болгарии (весна 1876 г.), вызвали широкий резонанс в русском обществе, откликнувшись на призыв о помощи бедствующим народам. Активное участие в оказании поддержки балканским славянам принимали Московский и Петербургский славянские благотворительные комитеты. Славянофилы не только материально поддерживали балканских славян, но и участвовали в организации добровольческих отрядов, в которые вошли представители самых разных сословий. Нельзя не отметить, что «особенно горячо на призыв оказать помощь славянам откликнулись народные массы по всей империи. И.С. Аксаков писал об этом впоследствии: «Две трети пожертвований внес бедный, обремененный нуждой простой народ»» [16, с. 223]. Ф.М. Достоевский увидел в масштабной общественной поддержке славян на Балканах историческую черту русского народа:

...сложилась эта историческая черта и искание доброго приняло в народе нашем почти что одну эту форму, то есть форму *покаянную*, в паломническом или жертвенном виде <...>. Дело это было ведено прямо, как Христово дело, а у многих, у очень многих в тайниках души их — именно как очистительное и покаянное дело. <...> Воли царевой, слова его все ждали в умилении и надежде, а мы, мы, сидя по углам нашим, радовались еще про себя, что великий народ русский оправдал великую и вечную надежду нашу на него [17, т. 25, с. 217].

Исследователи убеждены, что «решение русского правительства об объявлении войны Турции было в значительной мере predetermined воздействием русского общества и боязнь потерять престиж внутри страны» [15, с. 198].

Дипломатическая ладья села на мель. <...> Весомо и зримо выступал фактор общественного мнения. Солидарность со славянами проявлялась не в декларациях и манифестациях, а в действенной их поддержке рублем, медикаментами, снаряжением и порохом. <...> «Низы» и «верхи» общества смешались в стремлении освободить славян, не останавливаясь перед войной,

— отметил историк В.Н. Виноградов [2, с. 174].

В общественном сознании 1870-х гг. существовал образ православных славян как братьев русского народа, которым требуется его помощь, и такими они виделись не только рядовым подданным, но и российской власти. В конце октября 1876 г. в своей речи в Кремле Александр II произнес: «Я знаю, что вся Россия, вместе со мною, принимает живейшее участие в страданиях наших братьев по вере и происхождению» (цит. по: [1, с. 441]). Одним из общественных деятелей той эпохи, разделявших эту позицию, был и Ф.М. Достоевский, однако он рассматривал балканских славян не просто как братьев, а как детей России и подробно высказывался об этом на страницах «Дневника писателя».

Выходивший в переломную историческую эпоху моножурнал «Дневник писателя»¹ Ф.М. Достоевского (далее также — «Дневник») отличался от других периодических изданий того времени исповедальностью и ярко выраженным личностным началом, что привлекало к нему внимание «читателя, уставшего от холодной риторики охранительной и либеральной печати» [3, с. 70]. Достоевский уделял значительное внимание ответам на многочисленные письма (что не было распространенной практикой тогдашней русской периодики), авторы которых в большинстве своем относились к разнородному «среднему кругу» (врачи, учителя, городские обыватели, мелкие чиновники и др.), не были едины в своих политических взглядах, но все они вне зависимости от пола и возраста стремились найти ответы на социально-нравственные вопросы. Через «Дневник писателя» Достоевский смог взаимодействовать с разными слоями русского общества, и тот отклик, который получил «Дневник», безусловно, говорит в пользу его роли в формировании общественного мнения (о взаимоотношениях писателя с корреспондентами «Дневника» см. подробнее: [3, с. 64–88]).

«Дневник писателя» неоднократно оказывался объектом внимания ученых: вопросам его поэтики посвящены работы И.Л. Волгина, В.Н. Захарова, Т.В. Захаровой, В.Е. Багно, Т.А. Касаткиной, Б.Н. Тарасова, Н.А. Тарасовой, Г.М. Фридлиндера и других исследователей. Центральными темами «Дневника писателя» стали русско-турецкая война 1877–1878 гг., взаимоотношения России и Европы, славянская идея как одна из мировых идей, а также общественно-политическая жизнь России (судебные процессы, вопросы семьи и воспитания детей, проблемы насилия и преступности, частные происшествия).

Анализируя художественный метод Ф.М. Достоевского, связь факта и идеи, реализованной в нем, А.С. Долинин еще в 1930-е гг., обратил внимание на «легкость перехода, в «Дневнике писателя», к художественным очеркам, в которых та же идея, проникающая данный единичный факт действительной жизни, получает уже более широкий охват: факт превращается в символ» [5, с. 15]. С точки зрения исследователя, в «Дневнике писателя» представлен «цельный синтезированный опыт» [5, с. 15], и в «Мальчике у Христа на елке», «Мужике Марее», «Бобке», «Столетней», «Сне смешного человека», «Кроткой» стоит усматривать те же проблемные вопросы, что и в политической публицистике «Дневника», так как они образуют единое целое. Исследуя жанровые особенности произведения, И.Л. Волгин подчеркивает, что

...публицистические моменты «Дневника» как бы «вдвинуты» в его художественную структуру и сами являются частью последней. Даже будучи лишены в ряде случаев самостоятельного художественного значения, они находят свое место в общем художественном контексте, обнимаются общей художественной идеей и в конечном счете «работают» на нее [3, с. 158].

К схожей мысли приходит Н.А. Тарасова:

...«публицистические» и «художественные» компоненты «Дневника писателя» соединяются в самом процессе творчества как художественного проживания действительности, позволяющего сквозь налет наносного и внешнего, «прямолинейность явлений» и «тиранию косной причины» увидеть мир и человеческое бытие в свете идеала [14, с. 270].

¹ В 1873 г. «Дневник писателя» выходил как отдел еженедельной газеты-журнала «Гражданин», в 1876–1878 и в 1880–1881 гг. как самостоятельное издание.

И.Ф. Прийма, говоря о единстве трех компонентов дневника (публицистического, художественного и философского), констатирует:

...прибегнув к «Дневнику» как жанру нехудожественному, Достоевский уже в первой половине 1876 г. осознал недостаточность чисто журналистского подхода для стоящих перед ним задач и, развивая философскую и художественную составляющие, начал редуцировать фактографическо-публицистическую [10, с. 143].

По мнению ученого, связующим звеном разных плоскостей «Дневника» выступает славянская идея: в своем моножурнале Достоевский «принимает и развивает *внешнеполитические* тезисы славянофилов — прежде всего о роли русского народа в славянском мире и о мировом значении славянства как хранителя православной истины» [10, с. 222].

Рассмотрение темы славянства представляется необходимым в контексте общей идейной канвы «Дневника». Это обусловлено тем, что, в частности, при вычленении из корпуса текстов «Дневника» только фрагментов, касающихся, например, непосредственно рецепции Достоевским событий русско-турецкой войны 1877–1878 гг., без какой-либо оглядки на общую нравственную составляющую произведения, можно прийти к искаженной трактовке мыслей писателя. Так, некоторые современные историки, описывая отношение Достоевского к русско-турецкой войне, не уделяют достаточного внимания философскому аспекту осмысления этой освободительной войны, полагая, что, поддерживая идею вооруженного противостояния с Османской империей, писатель вступает в противоречие со своими нравственными идеалами:

Непонятно куда делся «гуманизм Достоевского», который буквально толкал тысячи людей в кровавую мясорубку войны. Гуманизм Достоевского, который определяют то как христианский, то как абстрактный, то как общечеловеческий, можно назвать условно, конечно, гуманизмом надрыва, крайним гуманизмом [8, с. 71].

Однако природу гуманизма применительно к творчеству Достоевского, как представляется, не следует отождествлять с идеей европейского гуманизма, о чем писал преподобный Иустин Попович:

...в догмате о непогрешимости человека открылась главная тайна европейского человека. Европейский человек ясно и искренне исповедал пред земным и небесными мирами то, что хотел сказать, то, к чему стремился. Догматом о непогрешимости человека он решительно и окончательно изгнал из Европы Богочеловека и воцарил человекобога [7, с. 199].

С такой европейской версией христианства, с гуманистической концепцией, т. е. с концепцией человекобога, был не согласен Достоевский, усматривавший в католицизме искажение христианства. И миссия России, вся суть ее участия в разрешении восточного вопроса, заключалась в духовном обновлении мира на основе православия, где сохранился истинный облик Христа.

Согласно Достоевскому, на зло можно ответить злом, если необходимо искоренить несправедливость, допускающую насилие над человеком. В «Братьях Карамазовых» Алеша без раздумий говорит, что генерала, чьи «псы растерзали ребенка в клочки» [17, т. 14, с. 221], нужно расстрелять. Эта же мысль о необходимости противостоять злу, «толкнуть» и «убить турку» [17, т. 25, с. 220], из-за которого страдают невинные дети, звучит и в «Дневнике», где «Достоевский пишет не о «войне для войны», а о войне,

пробуждающей «живое чувство» — чувство сострадания к несчастным и обиженным» [14, с. 385]. Писатель уверен в том, «чтобы пресечь навсегда злодейство, надо освободить угнетенных накрепко, а у тиранов вырвать оружие раз навсегда» [17, т. 25, с. 221]. В периодической печати того времени публиковались подробности турецких зверств по отношению к славянскому населению Балкан, особенное впечатление на Достоевского произвела публикация очерков американского полковника Генри Макайвера, служившего под началом генерала М.Г. Черняева, и писем Януария Мак-Гахана в «Русском сборнике» (1877) [1, с. 443]. «Судя по тому, какой отклик эта тема получила в «Дневнике писателя», Достоевского более всего поразили описания убийств детей», — замечает Н.А. Тарасова [14, с. 136].

Особое внимание при освещении страданий славянских народов на Балканах писатель уделяет образу ребенка: «Утонченности в мучениях таковы, что мы не читали и не слыхивали ни о чем еще подобном прежде. С живых людей сдирается кожа в глазах их детей; в глазах матерей подбрасывают и ловят на штык их младенцев, производится насильничание женщин, и в момент насилия он прокалывает ее кинжалом, а *главное* [курсив мой. — Н.Л.], мучат в пытках младенцев и ругаются над ними» [17, т. 25, с. 219]. Нас в первую очередь будут интересовать следующие вопросы: связан ли образ ребенка со славянской идеей, есть ли общность между публицистическими фрагментами о мучениях детей на Балканах и художественной компонентой «Дневника писателя» и какую роль играет Мать-Россия в судьбе славянских «деток».

Необходимо оговориться, что «детская» тема занимает в наследии Достоевского важное место. Ее исследованию посвящены многочисленные работы, среди которых «Будущее человечество...» Б.Н. Тарасова [13], «Художественно-философская концепция детства в творчестве Ф.М. Достоевского» Т.А. Степановой [12], «Дети и детство в творчестве Ф.М. Достоевского и русская литература второй половины XIX века» В.С. Пушкаревой [11] и др. Однако в обширном корпусе литературоведческих исследований тема «униженных и оскорбленных» детей славян упоминается лишь вскользь, чаще всего при перечислении фактов общественной жизни Российской империи, на которых писатель фокусировал свое внимание. Так, например, у Степановой, которая подчеркивает символическое звучание образа ребенка, «маленькие болгары и сербы, зверски убитые турками или сведенные с ума их изощренной жестокостью» справедливо встают в один ряд с «фабричными детьми, изувеченными непосильной работой или развратом» и «пятилетней проституткой, явившейся Свидригайлову перед самоубийством» [12, с. 159], но их образы не получают специального анализа. Более детальное освещение тема страдающих славянских детей находит в диссертационной работе «Славянская идея и способы ее воплощения в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского» И.Ф. Приймы, отмечающего, что «наряду с униженностью, портрет славян содержит такую дополнительную характеристику, как детскость и незащищенность» [10, с. 146]. Исследователь проводит параллели между историко-политическим контекстом славянской темы и художественными аргументами: так, по мысли Приймы, рассказ «Мальчик у Христа на елке» был необходим, чтобы подготовить читателей «Дневника» к образу славян — «исторических сирот» [10, с. 138]. Славянские сироты, «едва доросшие до самостоятельной политической жизни, рискуют попасть от «родной» тирании турок (ср. с тиранией теток в «Кроткой») в кабалу к мучителю-европейцу — потерявшему честь и жалость торгашу-ростовщику» [10, с. 137]. Не остается без внимания ученого и факт уподобления Достоевским «братьев-славян» тем детям, которые найдут защиту у Матери-России, оказывающей им бескорыстную помощь.

Развивая уже намеченные идеи относительно роли образа ребенка в трактовке славянской идеи, обратим внимание еще на некоторые ее аспекты. В «Дневнике писателя» отчетливо прослеживаются две возможные реакции на детские страдания: бессердечное (от равнодушия до умышленного причинения насилия ребенку) и сочувственное (от сопереживания до деятельной помощи). Образ ребенка, к страданиям которого безразличны взрослые, находим в фантастическом рассказе «Сон смешного человека», герой которого так отреагировал на крики девочки о помощи:

Я обернул было к ней лицо, но не сказал ни слова и продолжал идти, но она бежала и дергала меня, и в голосе ее прозвучал тот звук, который у очень испуганных детей означает отчаяние. <...> Но я не пошел за ней, и, напротив, у меня явилась вдруг мысль прогнать ее. <...> Вот тогда-то я топнул на нее и крикнул [17, т. 25, с. 106].

Впоследствии у рассказчика пробудится к девочке жалость, и он, познав истину братского единения, изменит свои прежние взгляды на жизнь. В самом начале герой был равнодушен к страданиям ребенка, так как имел твердое «убеждение в том, что на свете везде *все равно*»; он признается: «Я вдруг почувствовал, что мне *все равно* было бы, существовал ли бы мир или если б нигде ничего не было» [17, т. 25, с. 105]. Развитие мотива безразличия к детским мучениям связано и с образом Левина, вводя который в «Дневник писателя», Достоевский полемизирует с оценкой русско-турецкой войны Л.Н. Толстого, упрекая героя «Анны Карениной» «за то, что тот обособился и отвернулся от «Христовых дел», во имя абстрактных принципов отказывает в сострадании и помощи страдающим христианам» [6, с. 242]. Достоевский, разумеется, не отождествляет автора с его героем, однако подчеркивает: «...этот романист изображает в этом идеальном, то есть придуманном, лице частью и собственный взгляд свой на современную нашу русскую действительность, что ясно каждому, прочитавшему его замечательное произведение» [17, т. 25, с. 194]. Обратим внимание на авторский курсив, который, как и в случае со смешным человеком, высвечивает аналогичное безразличие героя к чужим страданиям:

Говорят о славянах, об истязаниях, пытках и убийствах, которым они подвергаются, и Левин слишком знает, что он говорит о славянах. Стало быть, когда он говорит, что он не знает, помог ли бы он, что он не видит и *ничего не чувствует* и проч. и проч., то именно заявляет, что не чувствует сострадания к мучениям славян (а не к мучениям прибитой пьяными женщины), и настаивает, что непосредственного чувства к угнетению славян нет и не может быть [17, т. 25, с. 219].

Левин, наблюдая за семилетней девочкой, брату которой «турок сладострастно готовится выколоть иголкой глазки» [17, т. 25, с. 220], равнодушен к детским страданиям, как и смешной человек до знакомства с истиной. Окажись герой Толстого «уже на месте, там, с ружьем и со штыком» [17, т. 25, с. 220], как полагает Достоевский, он ничем не поможет славянским детям: «Нет, как можно убить! Нет, нельзя убить турку. Нет, уж пусть он лучше выколет глазки ребенку и замучает его, а я уйду к Кити» [17, т. 25, с. 220]. Как и во «Сне смешного человека», в «Сотрясении Левина...» встречаются рассуждения о природе нравственности «на расстоянии». Смешной человек размышляет о том, испытывал бы он стыд за бесчестный поступок, совершенный на Луне или Марсе: «...если б, очутившись потом на земле, я продолжал бы сохранять сознание о том, что сделал на другой планете, и, кроме того, знал бы, что уже туда

ни за что и никогда не возвращусь, то, смотря с земли на луну, — было бы мне *всё равно* или нет?». Говоря о Левине, Достоевский вновь использует тот же фантастический образ:

...представьте, что на планете Марс есть люди и что там выкалывают глаза младенцам. Ведь, может быть, и не было бы нам на земле жалко, по крайней мере так уж очень жалко? <...> если расстояние действительно так влияет на гуманность, то рождается сам собою новый вопрос: на каком расстоянии кончается человеколюбие? [17, т. 25, с. 220].

Для Достоевского не имеет значения то, где нарушаются нравственные нормы (в России, на Марсе или на Балканах), его волнует сам *факт* нарушения этих норм. Единственной объединяющей силой, благодаря которой человек может осознать свою цельность, понять, что ему близки судьбы других людей, является православная вера: «И Христов человек ощущает себя как всечеловек, которому все человеческие существа близки как свои: свои в чувствованиях, свои в познании, свои в любви» [7, с. 224]. Левин же, как уже говорилось выше, отходит, по Достоевскому, от истинного понимания православной веры, если ему безразличны муки христиан-славян. Образы страдающих славянских православных детей вплетены в общую систему детских образов «Дневника», автор которого не может смириться с их «униженным и оскорбленным» положением, и они служат одним из доказательств необходимости всеславянства: «Все, что является православным, стремится к одной цели: к братскому объединению всех людей посредством евангельской любви и жертвенного служения всем людям» [7, с. 224].

Не менее важна религиозная компонента и при описании противников России. К таковым относится европейская цивилизация, проповедующая в католицизме, согласно Достоевскому, искаженного Христа. Гипотеза о том, что трактовка образов балканских славян как детей, подвергающихся насилию, также должна осуществляться в рамках целостного анализа «детской» темы «Дневника», подтверждается обращением Достоевского к образу паука как одного из мучителя славян («Ведь это избиение болгар — ведь это он допустил, куда — сам и сочинил» [17, т. 23, с. 110]): с пауком Достоевский сравнивает премьер-министра Англии Бенджамина Дизраэли (1804–1881), с 1876 г. носившего титул графа Биконсфильда. Писатель считает, что

...с Восточным вопросом забежала в Европу какая-то *piccola bestia* и мешает успокоиться всем добрым людям, всем любящим мир, человечество, процветание его, всем — жаждущим той светлой минуты, в которую кончится наконец-то хоть эта первоначальная, грубая рознь народов [17, т. 23, с. 107].

О различных животных, к аллегорическим образам которых в своем творчестве прибегал Достоевский, подробно пишет Р.В. Плетнев [9]. Говоря отдельно об образе паука, исследователь находит символическим его многократное повторение в художественном мире писателя («баня с пауками» Свидригайлова, «душа паука» у Аркадия в «Подростке» и др.) и замечает:

Насекомое-гад есть символ Зла, злобы, сладострастия и садизма. Я полагаю, что впервые яркий образ насекомого-гада явился у Д. в «Записках из мертвого дома». Таков прежде всего *убийца детей* [курсив мой. — Н.Л.], татарин Газин: «Мне иногда представлялось, что я вижу перед собою огромного, исполинского паука, с человека величиною... Он любил прежде резать маленьких детей, единственно из удовольствия» [9, с. 130].

Вот почему в интерпретации автора «Дневника» Дизраэли отнюдь не случайно назван пауком, *piccola bestia* («...действительно, ужасно похож; действительно, маленькая мохнатая *bestia*! И ведь как шибко бегают!» [17, т. 23, с. 110]), который сказал «в своей речи, что Сербия, объявив войну Турции, сделала поступок бесчестный и что война, которую ведет теперь Сербия, есть война бесчестная, и плюнув, таким образом, почти прямо в лицо всему русскому движению, всему русскому одушевлению, жертвам, желаниям, мольбам, которые не могли же быть ему неизвестны» [17, т. 23, с. 110]. Политика Англии, по Достоевскому, и есть действия такого паука, из-за которого страдают невинные славянские дети. Паук, будучи животным поганым и нечистым, в легендах «выступает противником Божьей Матери» [4, с. 646], его образ не менее важен и для понимания разницы в отношении Англии (и шире — Европы, «которая столь пострадает в своих интересах, если серьезно запретить туркам сдирать кожу с отцов в глазах их детей» [17, т. 25, с. 44]) и России к славянам: если образ паука, отсылающего к хтонической символике и мотиву детоубийства, связан с первой страной, то образ второй выстраивается Достоевским вокруг материнского, спасительного, православного начала.

Мотив материнского заступничества в «Дневнике» находит яркое отражение в рассказе «Мужик Марей», который, по мнению Приймы, «служит иллюстрацией к тезисам предшествующей публицистической главы «О любви к народу. Необходимый контракт с народом»» [10, с. 128] и раскрывает особенности русской ментальности. Однако он представляет интерес и в рамках анализируемой нами темы. Достоевский обращается к случаю из детства и повествует о том, как крепостной Марей улыбнулся ему, девятилетнему испуганному мальчику, «какою-то материнскою и длинною улыбкой» [17, т. 22, с. 48]. Марей не остался равнодушным к детским переживаниям рассказчика: «Уж я тебя волку не дам! — прибавил он, все так же матерински мне улыбаясь, — ну, Христос с тобой, ну ступай, — и он перекрестил меня рукой и сам перекрестился». Воспоминания о «нежной, материнской улыбке бедного крепостного мужика» [17, т. 22, с. 49], который любил детей просто так, а не из-за того, что его наградили бы за этот поступок, заставляют писателя сделать вывод об истинной красоте русского народа:

Любил он, что ли, так уж очень маленьких детей? Такие бывают. Встреча была уединенная, в пустом поле, и только бог, может, видел сверху, каким глубоким и просвещенным человеческим чувством и какою тонкою, почти женственною нежностью может быть наполнено сердце иного грубого, зверски невежественного крепостного русского мужика [17, т. 22, с. 49].

При создании образа участливого и доброго Марей, символизирующего отзывчивый русский народ, неслучайно несколько раз использован эпитет «материнский»: он свидетельствует о заступническом национальном характере.

Применительно к славянскому контексту и образу детей эта идея также играет не последнюю роль. Достоевский убежден, что русский народ, «этот «развратный» и темный народ наш любит, однако же, смиренного и юродивого», верно понял суть восточного вопроса:

В самом деле, кто бы мог, в наше время, в нашей интеллигенции, кроме небольшой отделившейся от общего хора части ее, допустить, что народ наш в состоянии сознательно понимать свое политическое, социальное и нравственное назначение? Как можно было им допустить, чтоб эта грубая черная масса, недавно еще крепостная, а теперь опившаяся водкой, знала бы и была уверена, что назначение ее — служение Христу, а царя ее — хранение Христовой веры и освобождение православия [17, т. 25, с. 69].

В «Дневнике» неоднократно подчеркивается, что по отношению к балканским славянам и славянскому миру вообще Россия выступает матерью-заступницей, реализуя таким образом положительную модель взаимоотношений отцов и детей:

...Мать-Россия новых родных деток нашла, и раздался ее великий жалобный голос об них. И именно деток, и именно материнский великий плач, и опять-таки политическое великое указание в будущем, заметьте это себе: «мать их, а не госпожа!») И хоть бы даже и случилось так, что новые детки, не понимая дела, — на одну минутку, впрочем, — возроптали бы на нее: нечего ей этого слушать и на это глядеть, а продолжать благотворить с бесконечным и терпеливым материнством, как и должна поступить всякая истинная мать [17, т. 23, с. 102].

Матери-России суждено, по Достоевскому, стать гарантом славянскости, центром и движущей силой славянской идеи, которая обеспечила бы защиту национальной идентичности освобожденных православных народов. Писатель, прибегая к притче о блудном сыне, создает утопическую картину всеславянской гармонии через образ «родного гнезда», когда славянские «родные детки» обратятся к России, «прильнут к ней все, уже с полной, с детской доверенностью» [17, т. 26, с. 80]. России, в свою очередь, надлежит избегать любой формы политического опекуновства над славянами, желая расширить за их счет свою территорию («...да сохранит бог Россию от этих стремлений» [17, т. 26, с. 80]), только в данном случае отношения между Матерью-Россией и детьми-славянами достигнут такой степени единения, что произойдет обновление русской культуры за счет инославянского влияния и России откроются новые горизонты развития.

Будучи впечатленным турецкими зверствами на Балканах, Достоевский в «Дневнике писателя» уделяет значительное внимание рецепции русско-турецкой войны. При описании мучений славянских народов он нередко обращается к образу страдающего ребенка, который появляется и в других тематических блоках «Дневника», что позволяет говорить о нем как об одном из центральных. С одной стороны, автор приводит конкретные зарисовки страданий славянских детей, с другой — говорит о славянах в целом как о детях России, которые нуждаются в ее заступничестве и покровительстве. Славянская идея для писателя неразрывно связана с религиозной, и во имя подлинного Христа, чей лик сохранился в православии, Матери-России и должно освободить «родных деток», коими представлены славянские народы. Важное место в изображении европейского мира, не понимающего бескорыстного подвига России, занимает образ противника Божьей матери — паука, который в художественном наследии писателя прочно связан с негативной семантикой и мотивом убийства (в том числе — детей), а в «Дневнике» символизирует Дизраэли — «мучителя славян». Перспективным в оценке взгляда Ф.М. Достоевского на судьбу славян, русско-турецкую войну, восточный вопрос и — шире — геополитические интересы Российской империи как таковые представляется изучение соответствующих публицистических фрагментов «Дневника писателя» в рамках общего нравственного контекста произведения, не исключая из поля зрения художественные рассказы, так как обнаруживаемые параллели позволяют точнее определить особенности мировосприятия писателя, его осмысление духовной миссии России как матери-спасительницы славян.

Список литературы Исследования

- 1 *Батюто А.И.* Примечания // *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т./отв. ред В.Г. Базанов; и др. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1983. Т. 25. Дневник писателя за 1877 год. Январь — август/текст подгот. и примеч. сост. А.В. Архипова и др. 470 с. (Полное собрание сочинений в тридцати томах).
- 2 *Виноградов В.Н.* Дипломатия великих держав в тупике Восточного кризиса // *История Балкан: судьбоносное двадцатилетие (1853–1878 гг.)*/отв. ред. В.Н. Виноградов. М.: КРАСАНД, 2012. С. 163–76.
- 3 *Волгин И.Л.* «Дневник писателя»: текст и контекст // *Достоевский: Материалы и исследования.* Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1978. Т. 3/ред. Г.М. Фридендер. С. 151–158.
- 4 *Гура А.В.* Паук // *Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т./под общей ред. Н.И. Толстого.* М.: Международные отношения, 2004. Т. 3: К — П.С. 646–648.
- 5 *Долинин А.С.* Вступительная статья («К истории создания «Братьев Карамазовых») // *Ф.М. Достоевский. Материалы и исследования/под ред. А.С. Долинина.* Л.: Издательство Академии наук СССР, 1935. С. 9–80.
- 6 *Захаров В.Н.* Полемика как диалог: Достоевский в споре с Л. Толстым // *Проблемы исторической поэтики: сб. науч. тр./отв. ред. В.Н. Захаров.* Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 2013. Вып. 11: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 8. С. 242–255.
- 7 *Иустин (Попович), преп.* Достоевский о Европе и славянстве. М.; СПб: Сретенский монастырь, 2002. 288 с.
- 8 *Кочуков С.А.* Ф.М. Достоевский и русско-турецкая война 1877–1878 годов // *Известия Саратовского университета.* 2010. Т. 10. Серия «История. Международные отношения». Вып. 2. С. 69–73.
- 9 *Плетнев Р.В.* *О животных в творчестве Достоевского* // *Новый журнал (The New Review).* Нью-Йорк: New Review Inc, 1972. Кн. 106. С. 113–133.
- 10 *Прийма И.Ф.* Славянская идея и способы ее воплощения в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского: дис.... канд. филол. наук. СПб., 2016. 240 с.
- 11 *Пушкарева В.С.* Дети и детство в творчестве Ф.М. Достоевского и русская литература второй половины XIX века. Белгород: Изд-во Белгородского гос. ун-та, 1998. 103 с.
- 12 *Степанова Т.А.* Художественно-философская концепция детства в творчестве Ф.М. Достоевского: дис.... канд. филол. наук. М., 1989. 199 с.
- 13 *Тарасов Б.Н.* «Будущее человечество...» // *Тарасов Б.Н.* Поиски правды. Литературно-критические статьи. М.: Молодая гвардия, 1984. С. 25–44.
- 14 *Тарасова Н.А.* «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского (1876–1877): Критика текста. М.: Квадрига; МБА, 2011. 392 с.
- 15 *Улунян А.А.* Апрельское восстание 1876 г. в Болгарии и Россия. М.: Наука, 1978. 215 с.
- 16 *Чуркина И.В.* Россия, славянофилы и зарубежные славяне. Очерки истории. М.: Индрик, 2020. 368 с. DOI: 10.31168/91674-589-4

Источники

- 17 *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т./отв. ред В.Г. Базанов; и др. Л.: Наука, 1972–1990. (Полное собрание сочинений в тридцати томах)

© 2024. Natalia A. Lunkova
Saint-Petersburg, Moscow, Russia

**“MOTHER RUSSIA DISCOVERS NEW REAL CHILDREN”:
ON THE ROLE OF THE CHILD’S IMAGE IN INTERPRETATIONS OF SLAVIC
IDEA IN
“A WRITER’S DIARY” BY FYODOR DOSTOEVSKY**

Acknowledgements: The research was performed with support of Russian Science Foundation grant no. №23-78-10045, titled ‘National Movements in the Optics of Imperial Legitimacy: Revolutions, Uprisings, Riots and Rebellions in Slavic Lands in the Rhetoric of Russian Authorities during the Long Nineteenth Century.’

Abstract: Perceptions of the Russo-Turkish War and Russia’s foreign policy of the 1870s received much attention in “A Writer’s Diary” by Fyodor Dostoevsky. Within the narrative of Slavic suffering in the Balkans, the writer frequently employs the image of a suffering child, the central motif in the “Diary.” This paper argues for the importance of examining sections related to the Eastern Question within the broader ideological context of Dostoevsky’s journal. The identification of parallels between journalistic and artistic segments facilitates a more comprehensive understanding of the author’s perspective on the Slavic idea, particularly the significance of the child’s image in its portrayal throughout the “Diary.” While the author provides vivid depictions of Slavic children’s sufferings, he also characterizes Slavs collectively as Russia’s children in need of its advocacy and protection. The portrayal of suffering Slavic Orthodox children is integrated into the overarching system of child imagery in the “Diary,” serving as poignant evidence for the necessity of pan-Slavism. Dostoevsky associates the liberation of Orthodox peoples in the Balkans with Russia’s religious mission, emphasizing its duty to provide altruistic assistance to Slavic “children” in the name of true Christ, whose genuine image endures solely within Orthodoxy.

Keywords: Dostoevsky, Pan-Slavism, Orthodoxy, Russo-Turkish War, Child Imagery, Spider Motif, Maternal Figure.

Information about the author: Natalia A. Lunkova, Junior Researcher, Institute of History, St. Petersburg State University, Universitetskaia Emb, 7/9, 199034 St. Petersburg, Russia; Junior Researcher, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Leninsky Ave., 32A, 119334 Moscow.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9193-3890>

E-mail: lunkova_n@mail.ru

Received: March 15, 2024

Approved after reviewing: April 18, 2024

Date of publication: September 25, 2024

For citation: Lunkova, N.A. “Mother Russia Discovers New Real Children”: On the Role of the Child’s Image in Interpretations of the Slavic Idea in “A Writer’s Diary” by Fyodor Dostoevsky. *Vestnik slavianskikh kul’tur*, vol. 73, 2024, pp. 196–208. (In Russ.) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-73-196-208>

References

- 1 Batiuto, A.I. "Primechaniia" ["Comments"]. *Dostoevskii, F.M. Polnoe sobranie sochinenii*, [Complete Works], vol. 25. 'Dnevnik pisatel'ia' za 1877 god. Ianvar' — avgust [A Writer's Diary for the Year 1877. January-August]. Leningrad, Nauka Publ., 1983. 470 p. (In Russ.)
- 2 Vinogradov, V.N. "Diplomatiia velikikh derzhav v tupike Vostochnogo krizisa" ["The Diplomacy of Great Powers at a Deadlock in the Eastern Crisis"]. *Istoriia Balkan: sud'bonosnoe dvadtsatiletie (1853–1878 gg.)* [History of the Balkans: Fateful Twenty Years (1853–1878)]. Moscow, KRASAND Publ., 2012, pp. 163–176. (In Russ.)
- 3 Volgin, I.L. "Dnevnik pisatel'ia": tekst i kontekst' ["A Writer's Diary: Text and Context"]. *Dostoevskii: Materialy i issledovaniia* [Dostoevsky: Materials and Research], vol. 3. Leningrad, Nauka Publ., 1978, pp. 151–158. (In Russ.)
- 4 Gura, A.V. "Pauk" ["Spider"]. *Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary], vol. 3. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 2004, pp. 646–648. (In Russ.)
- 5 Dolinin, A.S. "Vstupitel'naia stat'ia ("K istorii sozdaniia "Brat'ev Karamazovykh")" ["Introductory Article (On the History of Creating "The Brothers Karamazov")"]. *F.M. Dostoevskii. Materialy i issledovaniia* [Fyodor Dostoevsky: Materials and Research]. Leningrad, Academy of the Sciences of the Soviet Union Publ., 1935, pp. 9–80. (In Russ.)
- 6 Zakharov, V.N. "Polemika kak dialog: Dostoevskii v spore s L. Tolstym" ["Dialogue as Polemics: Dostoevsky in Dispute with Leo Tolstoy"]. *Problemy istoricheskoi poetiki. Vyp. 11: Evangel'skii tekst v russkoi literature XVIII-XX vekov: tsitata, reministsentsiia, motiv, siuzhet, zhanr. Vyp. 8* [Issues of Historical Poetics. Vol. 11: The Gospel Text in Russian Literature of the XVIII-XX Centuries: Quotation, Reminiscence, Motif, Plot, Genre, issue 8]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2013, pp. 242–255. (In Russ.)
- 7 Iustin (Popovich), Saint. *Dostoevskii o Evrope i slavianstve* [Dostoevsky on Europe and Slavic Identity]. Moscow, St. Petersburg, Sretenskii monastyr' Publ., 2002. 288 p. (In Russ.)
- 8 Kochukov, S.A. "F.M. Dostoevskii i russko-turetskaia voina 1877–1878 godov" ["Fyodor Dostoevsky and the Russo-Turkish War of 1877–1878"]. *Izvestiia Saratovskogo universiteta*, vol. 10, 2010, Series Istoriia. Mezhdunarodnye otnosheniia [History. International Relations], issue 2, pp. 69–73. (In Russ.)
- 9 Pletnev, R.V. 'O zhivotnykh v tvorchestve Dostoevskogo' ['On Animals in Dostoevsky's Works']. *Novyi zhurnal (The New Review)*. New York, New Review Inc, 1972, pp. 113–133. (In Russ.)
- 10 Priima, I.F. *Slavianskaia ideia i sposoby ee voploshcheniia v 'Dnevnikе pisatel'ia' F.M. Dostoevskogo* [The Slavic Idea and Its Manifestation in Fyodor Dostoevsky's 'A Writer's Diary': PhD Dissertation Thesis]. St. Petersburg, 2016. 240 p. (In Russ.)
- 11 Pushkareva, V.S. *Deti i detstvo v tvorchestve F.M. Dostoevskogo i russkaia literatura vtoroi poloviny XIX veka* [Children and Childhood in the Works of Fyodor Dostoevsky and Russian Literature of the Second Half of the 19th Century]. Belgorod, Belgorod State University Publ., 1998. 103 p. (In Russ.)
- 12 Stepanova, T.A. *Khudozhestvenno-filosofskaia kontseptsiiia detstva v tvorchestve F.M. Dostoevskogo* [Artistic-Philosophical Concept of Childhood in the Works of Fyodor Dostoevsky: PhD Dissertation Thesis]. Moscow, 1989. 199 p. (In Russ.)

- 13 Tarasov, B.N. “Budushchee chelovechestvo...” [“The Future of Humanity...”]. Tarasov, B.N. *Poiski pravdy. Literaturno-kriticheskie stat’i* [Search for Truth. Literary-Critical Articles]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 1984, pp. 25–44. (In Russ.)
- 14 Tarasova, N.A. “Dnevnik pisatel’ia” F.M. Dostoevskogo (1876–1877): *Kritika teksta* [“A Writer’s Diary” by Fyodor Dostoevsky (1876–1877): Text Criticism]. Moscow, Kvadriga Publ., MBA Publ., 2011. 392 p. (In Russ.)
- 15 Ulunian, A.A. *April’skoe vosstanie 1876 g. v Bolgarii i Rossii* [The April Uprising of 1876 in Bulgaria and Russia]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 215 p. (In Russ.)
- 16 Churkina, I.V. *Rossii, slavianofily i zarubezhnye slaviane. Ocherki istorii* [Russia, Slavophiles, and Foreign Slavs]. Moscow, Indrik Publ., 2020. 368 p. (In Russ.)
DOI: 10.31168/91674-589-4